

Мильков В. В.

Религиозные основания политических установок Владимира Мономаха и случаи отступления от них

В древнерусскую эпоху, как известно, особых политических трактатов не существовало. Вместе с тем в ходе исторического процесса и в реальной практике властей в разное время можно наблюдать устойчивые тенденции, которые можно объяснить существованием программных установок типа предварительно разработанной политической идеологии, объясняющей мотивацию и характер действий. Естественно, она облекалась в форму, внутри которой присутствовала имплицитно. С учетом воздействия на религиозное сознание идейно-религиозных установок, разработавшихся целенаправленно в политических интересах разных княжеских групп, войны и особенно системные батальные компании уже не выглядят чередой хаотичных конфликтов, порожденных алчным стремлением к добыче и неослабевающей тягой к расширению владений, либо необходимостью защиты от покушений с такими целями. Есть основание рассматривать противостояние конфликтовавших сил в контексте программ, которые хотя и не писались в качестве деклараций, но получали свое отражение в письменных произведениях. Туда соответствующие концепты включались целенаправленно, отражая интересы и цели их властных заказчиков. Таковы были характерные для эпохи способы выражения программных установок, которыми определялась военно-политическая стратегия.

Идейную мотивацию военных предприятий, как и вообще политические программы крупных исторических персонажей, на основании исторических свидетельств установить не всегда возможно. Но есть сюжеты, которые позволяют вербализовать властные концепции. Деятельность Мономаха относится как раз к таким случаям, для которых в источниках выявляются и стратегические устремления власти, и их идейные основания. Ими объясняется выработка внешней и внутренней политики этого выдающегося государственного деятеля домонгольской Руси. Сохранилось сразу несколько произведений, позволяющих составить суждение на этот счет.

Важнейшие концептуальные положения, проливающие свет на подоплеку политической стратегии, были сформулированы древнерусским властителем в его «Поучении», которое сохранилось в составе Лаврентьевской летописи¹. Отражающие религиозные и политические предпочтения Мономаха концепты ре-

¹ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 240-256 (Далее отсылки к данному источнику, включая и указание на статьи Лаврентьевской летописи, даются в тексте внутри скобок). В тексте «Поучения» сохранились хронологические меты, указывающие, что он мог писаться как в 1099 г., так и в последние годы жизни (о предлагаемых датировках см.: Мильков В. В. Владимир Мономах и его Поучение // Творения митрополита Никифора. М., 2006. С. 354-356). Судя по всему, под одним названием объединены разновременные княжеские записи (Автобиографическая летопись, Наставления детям, Письмо Олегу Святославичу, Молитва).

конструируются также на основании летописных статей, вошедших в «Повесть временных лет», которой при Владимире и его сыне Мстиславе была придана тенденциозная идейно-политическая окраска (т. н. вторая [Сильвесторовская 1116 г.] и третья [по заказу Мстислава 1118] редакции летописи)².

Дополнительный материал о кредо древнерусского единовластца содержит получившее свою окончательную обработку при Мономахе «Сказание о Борисе и Глебе», соединенное со «Сказанием о чудесах» святых страстотерпцев. Разделы, в которых описывается участие Владимира Всеволодовича в культовых мероприятиях, откровенно апологетичны, а более ранние события поданы с пиететом к Мономаху. Все вместе образует некое концептуальное целое, имевшее четкую идейно-политическую направленность, отражавшую задачи и устремления тогдашнего властителя Руси.

Редкое сочетание взаимосвязанных текстов позволяет составить представление о кредо, которым руководствовался великий киевский князь в своей внешней и внутренней политике и с этой точки зрения оценивать его ратную деятельность. На основании перечисленных источников выстраивается целая программа, которая последовательно реализовывалась в планировании и проведении дипломатических мероприятий и военных компаний³. Последние, при рассмотрении их в контексте религиозно-мировоззренческих оснований, позволяют составить определенное представление о планах, целях и способах военных мероприятий, смысловая сторона которых за скупыми свидетельствами исторических источников чаще сего бывает скрыта.

Наиболее полно властную концепцию Владимира Мономаха отражает его «Поучение». В нем он обобщает собственный опыт и формулирует принципы, реализации которых должны обеспечить правителю прочность властных позиций и успех во всех направлениях его деятельности. По сути дела, он завещает своим наследникам свод правил властного поведения, которыми должен руководствоваться правитель не только для успешного удержания бразд управления, но и для общей пользы. В историографии уже давно обращено внимание на то, что это не набор сиюминутных практических советов по конкретному поводу, а цельное учение, имеющее прочные идейно-мировоззренческие основания⁴.

² См.: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т.1: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. С. XV-XXI, XXXVI-XL. Взаимоотношения и состав редакций исследователи трактуют по-разному, но большинство сходятся в том, что современные Мономаху записи отражают политическую программу и идейно-религиозные предпосылки князя. Интересную гипотезу о религиозной подоплеке записей высказал А. Н. Ужанков (*Ужанков А.* «Совестные книги» Древней Руси (Русское летописание и Страшный суд) // Россия XXI. 1999. № 4. С. 146). Сформулированные при Мономахе идеи оказывали влияние на древнерусскую письменность последующих веков (см.: *Ивков Д. Э.* Концепции отечественной истории в русских летописных памятниках XIV-XV вв. Автореф. дис. канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 15).

³ *Будовниц И. У.* Владимир Мономах и его военная доктрина // Исторические записки. 1947. № 22. С. 42-100; *Чичуров И. С.* Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991. С. 146-150; *Кривошеев Ю. В.* Пути и труды Владимира Мономаха. СПб., 1993.

⁴ *Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его поучение. Ч. 1: Поучение к детям; Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901; *Орлов А. С.* Владимир Мономах. М.; Л., 1946. С. 66-70; *Филипповский Г. Ю.* «Украшенный добрыми нравами...» // Владимир Мономах: Завещано потомкам. Ярославль, 1999. С. 9-14; *Пузанов В. В.* Владимир Мономах и христианство // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 20008. Вып. 24. СПб., 2008. С. 372-373.

Заповедь детям последнего в домонгольской Руси единодержца представляет собой продуманную этико-политическую доктрину, в основу которой положены отобранные самим Мономахом в качестве наиважнейших для адресата «Поучения» доктринальные принципы⁵.

В понимании Мономаха во всех начинаниях следует руководствоваться несколькими базовыми постулатами вероучения. Главное нужно во всем стремиться избегать греха. Чтобы держаться в рамках этого правила, он внушает детям необходимость иметь память смертную и держать в сердце своем страх перед Богом за свершенные деяния: «Страх имейте Божии в сердцах своем» (Стб. 241); «Се же вы конец всему страху Божии имейте» (Стб. 246). Страх Господень и помятование Суда названы важнейшей предпосылкой уклонения от грехов и достижения праведной жизни. Такой подход накладывал значительные ограничения на действия правителей, поскольку для достижения целей в рамках данной парадигмы не могут быть пригодны любые средства.

Согласно автобиографической части «Поучения» Владимир не только стремился проявлять заботу о непогублении собственной души, но был озабочен посмертной судьбой своих детей, которые, как управители, сталкивались с ситуациями, которые квалифицировались как душегубство. Поэтому он призывает наследников, чтобы заботясь о спасении собственных душ, они не совершали неискупаемых деяний и не губили христиан: «а душа не погубляйте никакая же християны» (Стб. 245). Это важное правило, действие которого распространялось на ситуации военных конфликтов, а также на связанные с судом исполнение властных полномочий. В реальной жизни удержаться в рамках данного принципа управителю государства было практически невозможно, да и сам Мономах, как будет показано далее, был далек от его безупречного исполнения.

Можно с полной определенностью говорить еще об одной важной особенности мировосприятия древнерусского князя. В понимании жизненных коллизий Мономах демонстрировал «смирненно-фаталистическое»⁶ восприятие действительности, поскольку исходил из того, что ход событий предопределен свыше. Характерно, что апология бесстрашия в опасных ситуациях, которой пронизано описание в «Поучении» жизненного пути князя, непосредственно базировалась на фаталистическом понимании судьбы и детерминированности хода событий. Бесстрашие в отношении врагов и во время охоты на крупных зверей князь неоднократно демонстрировал сам (Стб. 248-249, 251). Старался он привить такое же отношение к жизни своим детям (Стб. 252). Можно с уверенностью говорить, что смелость, как черта характера Мономаха, сформировалась на основе представлений о роковой предопределенности. С точки зрения подобных мировоззренческих установок получает объяснение активное участие князя в опас-

⁵ Шахматов М. В. Опыты по истории древнерусских политических идей. Кн. II: Начало единоличной власти. Прага, 1927. С. 287; Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.) М., 2000. С. 59, 68, 69; Мильков В. В. Религиозно-этическая программа «Поучения» Владимира Мономаха // Православный собеседник: Альманах Казанской православной духовной семинарии. Вып. 1 (20). Казань, 2010. С. 102-113. Оценка смысловой значимости системных установок в перечисленных работах неоднозначны.

⁶ Термин Е. Л. Конявской (см. работу указ. автора. С. 69).

ных для жизни батальных компаний⁷. Можно сказать, что он всецело отдавал себя «руке Божией».

Наиболее ярко объяснение событий с провиденциальной точки зрения прозвучало в письме Владимира к двоюродному брату Олегу, в противоборстве с которым погиб его сын Изяслав. Мономах примиряется со свершившимся и снимает с соперника ответственность за гибель своего «дитяти». Он объясняет трагический результат междоусобного конфликта тем, что на Изяслава «Судь от Бога пришелъ», и этот Суд справедливый, ибо тот нарушил властные права своего дяди и захватил его удел (Стб. 254). Осознание этого урока с позиций предопределенности стало основанием для смирения и подвигло князя искать примирения со своим противником. Высший приговор, свершившийся над сыном и соответственно над отцом, Мономах смиренно принимает, как справедливый и заслуженный. Типичного для подобных ситуаций ожесточения и устремления к мести на последовало. Кроме того Владимир руководствовался желанием добрых отношений с братом во благо Русской земли: «не хочу я лиха, но добра хочу брати и Русьскеи земли» (Стб. 254).

В своем послании Олегу Мономах рассуждал с позиции «теории казней Божиих», которая впервые появляется на страницах «Повести временных лет» как раз в годы его княжения. С точки зрения этой религиозно-философской доктрины объяснялись причины природных катаклизмов, бедствий, эпидемий и жестоких разорений страны внешними врагами⁸. Русским читателям летописи с позиций провиденциализма давался ответ на вопрос о причинах торжества поганых над отступившими от праведных дел христианами и внушалась вера во всемогущество надприродной движущей силы событий. События в обоих произведениях трактуются однотипно и отражают специфику религиозного осмысления действительности властителем. В летописи, вышедшей из окружения Мономашичей, историческому процессу придавалось нравственное измерение, а выпадавшие на долю людей смерти и страдания трактовались как заслуженная Божья кара и прижизненный Суд за грехи и шаткость веры. Оценка Мономахом

⁷ Здесь надо сказать о личных качествах князя как воина и управителя. Он не имел привычки *перекладывать* обязанности управления на подчиненных и максимально контролировал войска во время походов: «еже было творити отроку моему, то сам) есмь створилъ дела на войне и на ловехъ ночь и день, на зною и на зиме не дая себе оупокою.... сам творилъ что было надобе весь нарядъ и в дому своемъ то я творилъ есмь» (Стб. 251). В походах он вел спартанский образ жизни, а при дворе проявлял умеренность, что не преминул комплиментарно отметить митрополит Никифор в своем послании князю (*Никифор, митрополит. Послание о посте // Творения митрополита Никифора, М., 2006. С. 115*). Войну Владимир рассматривал как труд, от которого он, как главный распорядитель, не может уклоняться и тем более проявлять ленность во вред начинанию (Стб. 246). Поэтому он не только определяет стратегию, но и лично контролирует осуществление плана. Весьма показательным, что практическая направленность заветов Мономаха ярко проявляется в том, что религиозно-установочные наставления соседствуют с административно-хозяйственными советами и бытовыми характеристиками. Последние, по сути дела, являются конкретизацией того, как применить имевшие мировоззренческое значение заповеди к конкретным жизненным ситуациям. Представление Владимира Мономаха об обязанностях правителя кардинально расходится с греческими представлениями о верховной власти (см.: *Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья. С. 148–150*).

⁸ *Мильков В. В. Казней Божиих учение // Русская философия. Энциклопедия. М., 1914. С. 258–259.*

гибели сына в несправедном соперничестве с Олегом с провиденциальной позиции является идейно-религиозной основой княжеского смирения и он готов на прощение убийцы Изяслава, в уверенности, что тем спасает собственную душу. Другими словами, Владимир оценивает взаимоотношения с братом-убийцей не только с точки зрения т. н. малой эсхатологии, характерной для летописания, но еще и в большой эсхатологической перспективе. Летописная трактовка бедствий и несчастий формировала установку на непротивление «Божьему батогу», которая с психологической точки зрения нейтрализовала волю к сопротивлению врагам и не способствовала твердости в противостоянии внешним нашествиям. Но, как мы покажем далее, такое же мировосприятие не сковывало активной позиции князя, успешно воевавшего со степными ордами, военные набеги которых летописцы стабильно квалифицировали как наказание. Владимиром Мономахом на ратном поприще двигала вера, что можно получить заслуженное расположение Бога, который благоволит достойным.

Исходя из убеждения, что Господь не обрушивает свой гнев на людей благочестивых, Мономах старался внушить своим детям нормы безгрешного поведения. Он верил, что расположение Всевышнего можно заслужить добрыми делами, а это должно способствовать достижению желанных целей на политическом и военном поприще. Жестких требований в условиях раннехристианского общества древнерусский князь к своим наследникам не выдвигает. Достаточным условием для спасения объявлен весьма необременительный для представителей власти минимум условий. Для того, чтобы получить расположение верховного Судии достаточно выполнять незамысловатый набор заповедей: с усердием уповать на Бога, не забывать соединять молитву с искренним покаянием, почитать церковнослужителей, быть правдивым и честным, вершить справедливый суд, уклоняться от зла, быть милосердным и справедливым, проявлять сострадание и попечение о слабых, поддерживать обездоленных милостыней. Особую заботу в своей нравственно-политической программе Владимир Мономах проявляет по отношению к сиротам и неимущим. Главное в комплексе богоугодных дел – Божий страх и неослабевающая милостыня для поддержания неимущих: «страх имеите Божии в сердцах своею и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру» (Стб. 241). Он рекомендует защищать слабых и воздерживаться от душегубства: «всего же паче оубогых не забывайте. но елико могущее по силе кормите и придавайте сироте и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильным погубити человека. Ни права ни крива не оубивайте» (Стб. 245). Призыв защищать слабого неоднократно формулируется в заповедях князя (Стб. 251)⁹. В сумме своей правила должного сводятся к достаточно легко осуществимому моральному минимуму, необременительному для представителей властно-

⁹ Поставленный на прочную доктринальную основу морально-политический императив, в котором формулируется необходимость защиты, покровительства и правого суда «убогых», направлен на ограничение властного произвола. В ранг государственной, а главное богоугодной, политики возводится забота о всем обездоленном и незащищенном населении страны. Мономах в данном случае ставил христианскую мораль в ранг государственной политики. Это означало, что власть признавала свою ответственность перед обществом и Богом. Сам императив восходит к ветхозаветной части Библии. Ср.: «Так и говорит Господь: производите суд и расправу и спасайте обижаемого от руки притеснителя, не обижайте и не тесните пришельцев, сироты и вдовы, а невинной крови не проливайте на месте сем» (Иер. 22, 3).

го сословия. Поэтому заповеди Мономаха можно интерпретировать как теория малых дел¹⁰.

Судя по автобиографической части «Поучения» Мономах и сам старался следовать тем правилам, которые он формулировал в качестве заповедей для своих наследников. Он ставил себе в заслугу, что «и худаго смерда и оубогые вдовице не даль есмь сильным обидети» (Стб. 251). Видимо качество собственного благочестия он оценивал достаточно высоко. Поэтому через все автобиографическое повествование проходит мысль о том, что лично ему, за смирение и моральную безупречность, Бог благоволил в опасных жизненных ситуациях («и Богъ ны поможе»; «Богъ живы в руце дава»; «Богъ и стьи Борисъ не да имь мене в користь, неврежени доидохом» и т. д.). Тот же концепт воспроизводится и в отредактированной Мономами летописи, в которой подчеркивается, что Владимир «уповал на Бога и на правду». Соответственно и победителем объявляется не князь, а Бог («сей день сотвори Господь..., Господь избавил ны» Стб. 279).

Ясно, что поля для реализации свободного волеизъявления в жестко детерминированном течении жизни в продемонстрированном Мономахом подходе почти не остается. И это противоречие между провиденциальной предопределенностью и личным волеизъявлением разрешается на поле нравственного поведенческого выбора. Предлагаемая Мономахом нравственная стратегия коррелировала с провиденциальной предопределенностью, открывая для личности оптимистическую перспективу даже в самых безнадежных пессимистических ситуациях. А самое главное она преподносила урок христианского воспитания и внушала веру в возможность лично влиять на ход событий с упованием на отзывчивость Всевышнего к благочестию, горячей вере и глубокому покаянию.

Князь Владимир долго шел к верховной власти над Русью, а идеал властных отношений на этом тернистом пути он свел к идеологеме, устанавливающей повиновение старейшему среди родственников и умирению в любви младших и равных между собой сородичей: «при старых молчати, премудрыхъ слушати, старейшимъ покарятися, с точными и меншими любовь имети» (Стб. 243). Принцип подчинения старшему в роде при одновременном уважении прав младших был сформулирован при непосредственном участии князя еще на Любечском съезде 1097 г., где на основах общей договоренности была закреплена идея нерушимости отчинного устройства Руси (ср.: «каждо да держитъ отчину свою»). Этому принципа Мономах последовательно придерживался до 1113 г., когда в нарушении действовавшей нормы наследования он стал великим князем Киевским. Под идею субординации старших и младших философствовавший князь подводил идейно-религиозные основания. Поскольку свыше установлено неравенство, то «и сильные и худыя идут по всемъ землямъ Божиимъ повелееньемъ» (Стб. 244). Говоря о подобном порядке в живом мире, он в аллегорической форме постулировал идею богоустановленности, а и нерушимости пределов любых владений (решается в аллегорическом ключе). Общим законом для природного и государственного сообществ является принцип: «каждо в своемъ пределе живеть» (зеркальная формулировка нормы автономности отчин).

¹⁰ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (X-XIV вв.). М., 1982. С. 137-138; Мильков В. В. Концепция малых дел в Древней Руси (об одной из особенностей морально-этического сознания отечественного Средневековья) // Философский журнал. 2010. № 1 (4). С. 79-92.

После того, как Владимир Мономах был в результате Киевского восстания 1113 г. приглашен на великое княжение, летопись сфокусировалась на историческом прецеденте приглашения властвовать и управлять. Данный принцип в «Повести временных лет» был оформлен в виде сюжета о призвании варягов. Под новый порядок трудно было подвести религиозные основания. Но и в этом случае сакральную санкцию новый порядок получил в «Сказании о Борисе и Глебе», соединенном с рассказом о чудесах святых князей. Идеиные акценты к тексту, который формировался из разновременных блоков на протяжении ряда лет были расставлены в окружении Мономаха¹¹.

В «Сказании» киевский князь выступает самой активной действующей фигурой: дважды украшает раки святых (1102, 1115 гг.), участвует в перенесении мощей (1072 г., 1115). Задаче возвышения его авторитета составлен рассказ о завершении строительства храма Всеволодом после смерти Святополка. Чудо освобождения несправедливо заключенных, хотя по мнению некоторых ученых и отражает обстановку восстания 1068 г, но в политических интересах Владимира было направлено против Святополка, злоупотребления которого вызвали смуту горожан, усмирявшуюся Мономахом. Но самое главное – именно в годы его княжения окончательно утверждается во всех княжествах общегосударственный культ.

При Владимире Мономахе культ страстотерпцев стал общерусским. В источниках первоначально отражались две патрональные традиции: Борис фигурировал как личный покровитель Владимира, почитавшийся в среде Всеволодовичей, тогда как Глеб выступал в роли небесного заступника Олега и Ольговичей. Осуществленное Владимиром объединение двух родовых культов в единый государственный, смысловым ядром которого было осуждение междоусобной вражды и распрей, на языке сакрального значения означало преодоление розни и становилось важным элементом государственной идеологии, которая правда не без колебаний санкционировалась церковью. В таком виде отражалась идейно-религиозная подоплека в духе обоснования выстроенной Мономахом единодержавной вертикали, не сохраненной и разрушившейся при его приемниках.

¹¹ По предположению ряда историков «Сказание» было составлено вскоре после 1115 г. переяславским епископом Лазарем, который выражал в произведении политические интересы Владимира (Воронин Н. Н. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе. Его время, стиль и автор // ТОДРЛ. Т. 13. М.; Л., 1957. С. 39; Иценко А. С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов-на-Дону, 2014. С. 70). Тем не менее, принято считать, что процесс становления культа прошел несколько этапов, связанных с трехкратным перемещением мощей (при Ярославе в 1051-1052 гг., как мероприятие в 1072 г. сынов Ярослава, укреплявшем триумvirат и, наконец, установление праздника 2 мая 1115 г., в связи с торжеством по поводу создания нового храма для святых в Вышгороде. Конкретная реконструкция истории текстов вызывает разногласия у исследователей, но никто из них не отрицает, что окончательная и описание торжеств 1115 г. появилось после этой даты. Логично, что и официальный акт канонизации, которой, как известно, противилось греческое духовенство, приходится на тот же год, поскольку в месяцеслове «Архангельского евангелия» (1092 г.) еще нет памяти князей, которая появляется только в «Мстиславовом евангелии», составленном тщанием сына Мономаха и датирующемся XII в. В последнее время также обосновывается мнение о более ранних сроках канонизации (доказательства и обзор точек зрения см.: Святые князья-мученики Борис и Глеб / Изд. подг. Н. И. Милютенко. С. 170-172, 181, 206 и др.).

В той форме, в которой почитание Бориса и Глеба литературно было оформлено, святые выступают покровителями всей Русской земли и небесным и заступниками от половцев: «Вы бо намъ оружие, земля Русьскыя забрала и утвержение и меча обоюду остра, има же дързость поганьскую низълагаем»¹². Борис и Глеб выступают не в роли посредников между людьми и Богом, как обычно описывается действие святых в христианской книжности¹³. Они непосредственно действуют в роли защитников своей страны и «противу вѣстающая държавно побежаютъ»¹⁴, «и борета по своемъ отъчъстве и пособита»¹⁵. За этим просматриваются некие могущественные персонажи-покровители, которым придан христианский облик. Утверждавшийся в такой форме культ имел синкретические народно-церковные признаки, тем более, что сам праздник не был связан с датами памяти князей, а был отнесен на связанный с магией плодородия дохристианский весенний праздник первых всходов. Это отразилось и на ранней иконографии святых, которые на колтах изображаются в окружении зеленых ростков-кринов. К тому же и добровольное принятие смерти князей с точки зрения архаической логики имело космический характер и воспринималось как добровольная жертва властителей ради подданных. Все вместе свидетельствует о двоеверном почитании страстотерпцев, заместивших собой каких-то сакральных персонажей христианской поры¹⁶. В произведении соединилось церковное прославление подвига добровольной жертвенной смерти князей в подражание Христу, но одновременно близкое двоеверию народное понимание святых как заступников за страну от внешнего врага (своего рода христианский оберег). В данном случае общерусский культ первых святых демонстрирует характерное для деяний Мономаха стремление действовать в интересах социума в целом, умело используя инерцию архаики в целях гармонизации межсословных отношений ради единения перед лицом вызовов, когда отсутствие единства делало страну беззащитной.

На примере первых в русской церкви святых, канонизация которых стала примером «религиозного национализма»¹⁷, проводится мысль не только о полной покорности старшему князю. Мнение о том, что идея иерархического повиновения младших князей старшим в культе страстотерпцев является основополагающей. Однако параллельно с отчинной традицией старшинства, в «Сказании» огромное место уделяется апологии смирения. Как и в «Поучении» Мономаха здесь абсолютизируется принцип покорности судьбе и не противления выпавшей на долю участи. За этим просматривается столь характерная для Влади-

¹² Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 308.

¹³ В тексте встречаются лишь отдельные оговорки, что они молитвенники за людей, например: «молящася и ходатая къ Богу за ны» (Там же. С. 310). Чересполосицу можно отнести на счет разновременной правки.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Указ. соч. С. 310.

¹⁶ Об этом см. в работах: Рыбаков Б. А. Славянский весенний праздник // Новое в археологии. М., 1965. С. 254-257; Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 42; Топоров В. Н. 1) Об одном архаическом элементе в древнерусской культуре - * svet // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 191; 2) Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1: Первый век христианства на Руси. М., 1995. С. 465, 494-495, 504; Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 35-37.

¹⁷ Термин Г. П. Федорова (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 40. Ту же мысль развивал А. Г. Кузьмин (Кузьмин А. Г. Владимир Мономах // Великие государственные деятели России. М., 1996. С. 49).

мира вера в господство фатальной предопределенности, что вопрос об общности идейных установок в этом ракурсе напрашивается сам собой. Принцип покорности старшему при этом не умаляется. Он отвечает политическим интересам того князя, который находится на вершине государственной иерархии, а это место, как известно, с 1115 г. занимал Мономах¹⁸. Именно в послушании и смирении перед старшим заключен политический смысл культа, в становлении которого, не взирая на сопротивление митрополита-грека, принял самое активное участие Мономах. Родовое старшинство таким образом трансформируется в политическое. В рамках программы Мономаха укладывается принцип, согласно которому старший князь обязан соблюдать права младших. Именно этот принцип нарушил Святополк и был наказан, попав под санкцию Высшего Суда. Переключка здесь с политическими предпочтениями великого киевского князя очевидна. Трактовка чудес с сухорукой и невинно осужденными направлена на осуждение несправедливости и немилосердности власти¹⁹. Противоположные этому качества властителя Мономаха настойчиво пропагандирует в наставлении детям. Перечисленные примеры убеждают, что в смысловых подтекстах установленного в 1115 г. культа Бориса и Глеба проявляется воплощение политических идеологем, программно реализовывавшихся во властной практике Мономаха²⁰.

Теперь можно проверить, насколько деяния князя Владимира укладывались в рамки разработанных им программных принципов. Что касается его восхождений к верховной власти в Руси, то на этом пути он проявлял настойчивость, терпение и усердие для достижения поставленной цели. Фактическая сторона неоднократно описана в работах историков, а вот методы, которыми он пользовался, привлекали гораздо меньшее внимание и с концептуальными постулатами Мономахова кредо не сопоставлялись..

На годы правления Мономаха приходится много мероприятий военно-политического характера. Согласно его «Поучению» за долгую жизнь он совершил 83 больших и неучтенное количество меньших походов, в которые стал ходить с 13 лет (Стб. 250)²¹. Первой воинской экспедицией молодого князя стал по-

¹⁸ См.: *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 22). Характерно, что храмы в Вышгороде строят князья, занимавшие киевский стол (первый храм при Ярославе – 1051–1052 гг., в 1071 – Изяслав; 1076 – Святослав; к 1111–1115 гг. завершают начинание Олег Святославич. Мономах вынужден был инкогнито украшать гробницы, понимая важность культа страстотерпцев). Культ окончательно оформляется при Владимире, хотя на протяжении 1071/2–1115 за него шло соперничество. В 1117 г. Владимир вынужден строить храм на Альте, чтобы не наносить ущерб религиозно-мемориальному приоритету Святославичей.

¹⁹ Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 328–334.

²⁰ О государственно-политическом значении прославления Бориса и Глеба и о соответствии идейно-религиозной направленности культа политическим принципам Владимира Мономаха см.: *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). С. 17, 24, 34, 53.

²¹ Автобиографическая летопись, включенная в состав «Поучения», завершается подведением общего числа походов, с которым роспись походов не совпадает, что может свидетельствовать как об утратах, так и о небрежности редакторской работы с летописной частью «Поучения». Исследователи отмечают труднообъяснимые лакуны в последовательности описания событий Летописью: после возвращения из Сутейска во Владимир в 1069г. описывается поход в Чешский лес 1075 г., затем поход на вятичей и к городу Кордону (около 1071–1081 гг.), затем с перерывами события 1084, 1086 и 1093, 1001(?), 1007, 1110, 1113, 1116, 1117гг. (см.: *Кучкин В. А.* Поучение кн. Владимира Мономаха, 1117г. // Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 116).

ход к Ростову (ок. 1066 г.) через землю воинственных и не подвластных Киеву вятичей (Стб. 247). То была не простая прогулка, а преисполненное опасностей для жизни мероприятие. Этот поход можно сравнивать с боевым крещением или воинской инициацией вступающего во взрослую жизнь Владимира. Считается, что в 1068 г. юный Мономах уже участвовал в битве Ярославичей с половцами на Альте, в которой русские потерпели сокрушительное поражение. Летопись о его участии в той битве умалчивает, но в «Поучении» Мономах вспоминал о поездке с боярином Ставкой Гордятичем к Смоленску, откуда его спутник отправился к Берестю для соединения с бежавшим от восставших киевлян Изяславом. Уже на следующий год (1069) он был послан Святославом и Всеволодом в сожженный поляками город Брестье на русско-польской границе, который охранял и обеспечивал там спокойствие. Позднее участвовал в заключении мира с Изяславом, приведшим поляков во главе с Болеславом, чтобы вернуть себе Киев (Стб. 247). Видимо у пограничного Сутейска ему удалось убедить Изяслава не разорять собственную землю, развернул полки «ляхов» и только с Болеславом пошел к Киеву. Ситуация менялась быстро. В 1073 г. Святослав Всеволодович выгнал Изяслава из Киева, а в 1075 г. заключил союз с поляками, которые на сей раз отказали в помощи Изяславу. И вот уже Владимир с двоюродным братом Олегом Святославичем ходили за Глогов (Глогау на Одере) до Чешского леса «в помощь ляхам на чехов» (Стб. 199, 247).

Получается, что с самого начала своей деятельности Владимир Всеволодович оказался на наиболее опасных направлениях (юго-восточном и западном), которые представляли для владений русских князей постоянную угрозу. В противника тогда превратился брат отца, который привел на Русь желающих на ней поживиться западных находников. С самого начала военно-политической деятельности Владимира Мономаха проявилась его склонность к миротворству, предотвращавшему внутренние распри и нашествия извне. Сближение с поляками нейтрализовало возможность конфликта на западном направлении и позволяло сосредоточиться на противостоянии Степи. Стратегически Мономах действовал в интересах всей Русской земли, являясь князем Владимиро-Волынским.

Рано испытал Мономах непостоянство отношений с ближайшими родственниками. В 1077 г. на киевский стол умершего Святослава сел отец Мономаха Всеволод, а Владимир получил Смоленск. Затем Всеволод уступил Киев Изяславу, который снова при поддержке поляков пошел отвоевывать принадлежавший ему по праву старшинства Киев. Всеволод получил взамен Чернигов, считавшийся вотчиной Святославичей (Стб. 199). Туда в 1078 г. был приглашен Олег, выведенный из Владимира Волынского. Племянник Всеволода от такого «гостеприимства» бежал в Тмутаракань. Всего двумя годами ранее он крестил первенца Владимира Мстислава, с которым сблизился во время Чешского похода. После военных экспедиций в Новгород и Полоцк²² Владимир был отозван отцом к Черниго-

²² Военные действия 1077 г. против Всеслава Брячиславича Полоцкого велись с участием Святополка Изяславича, который принял участие в войне с Всеславом как бывший (с 1069 по 1071гг.) владетель Полоцкой земли. Был посажен на место изгнанного Всеслава. Последний свое владение в 1071 г. и удержался на столе не смотря на поражение в 1072г. у Голотическа (Стб. 174). Изяслав тогда сохранил власть полоцкому князю и пошел на примирение со своим врагом, чтобы сконцентрировать силы в противостоянии с младшими Ярославичами, которые начали перестраивать всю систему международных связей и противовесов. После смерти Святослава у Всеволодовичей и Изяславичей оказался общий угрожавший им противник.

ву, видимо на случай разрастания конфликта. По сути, князь участвовал в почетном удержании Олега — своего двоюродного брата, соратника и друга. Отторжение отчины сделало вчерашних закадычных друзей врагами. Правда была на стороне обиженного, а Владимир действовал в корыстных интересах семьи.

События развивались стремительно. Вместе с двоюродным братом Борисом Вячеславичем и приведенными половцами Олег двинулся на Всеволода и победил его (поражение на Сожице 25 августа 1078 г.). После этого поражения Всеволод Ярославич укрылся в Переяславле, а Олег захватил Чернигов, который считал своей отчиной. Летописец обвиняет соперников Всеволода и Владимира в том, что они «привели поганых» на Русскую землю, которые сотворили много зла, пролив кровь христианскую (Стб. 200). Потом неоднократно Олега будут обвинять в том, что он опирается на заклятых врагов Руси. Однако в летописи мы не найдем подобных осуждений в адрес Мономаха, который первым использовал половцев в качестве военной помощи в войне с Всеславом Полоцким. В «Почучении» Мономах говорит об этом как о совершенно типичном событии (Стб. 247). Дипломатически умалчивается в летописи и о том, что Всеволод нарушил принцип отчины, а по сути спровоцировал междоусобие. Мономах, при всей четкости его военных перемещений в это время, выступает послушным орудием отца. Позднее, переняв наследие Всеволода и утвердив свой авторитет среди «братии» он будет проводить совсем другую политическую линию. «Исторический парадокс — а возможно, историческая закономерность — заключается в том, что князю Владимиру Мономаху, более других отдавшему борьбе с Олегом и ставшему его главным, историческим противником, суждено будет в конечном итоге проводить в жизнь и утверждать те самые принципы, которые первоначально отстаивал Олег»²³. Но пока Владимир был ближайшим подручником отца он активно участвовал в междоусобных расправах.

В августе 1078 г. выступивший из Смоленска Владимир прорвался с боем через половецкое окружение к находившемуся в Переяславле под осадой отцу. При поддержке Изяслава они выступили к Чернигову, жители которого в отсутствие Олега отказались их принять. Всеволод предпринял штурм города. Владимир Мономах со своими войсками ворвался в окольный город и пожег его. С приближением Бориса и Олега, который набрал для поддержки половцев, осадные действия были свернуты. 8 октября 1078 г. близ Чернигова на Нежатиной Ниве состоялась битва, в которой опиравшиеся на степняков соперники Всеволода и Мономаха были на голову разбиты. Но в этом сражении погиб Изяслав Ярославич. Олег бежал в Тмутаракань, откуда не без участия своих соперников был пленен хазарами и отправлен в Византию (Стб. 200-201, 248). Судьба благоволила Всеволодовичам — отец сел в Киеве, а Мономах, как соправитель, в Чернигове. Таким образом, они «переима власть русскую всю». До 1093 г. добытое сомнительными средствами лидерство находилось в их руках. Для Мономаха то был опыт, демонстрирующий как его величество случай, военная удача и тайные интриги играют судьбами людей. Провиденциальное восприятие действительности здесь явно диссонировало с самовластной корректировкой хода событий со стороны их участников. Вопросы справедливости и нравственных оснований поступков в те годы отчетливо не просматривались и, видимо, еще не волновали князя.

В 1080 г. Всеволод посылал Владимира против торков, которые пошли войной на Русь и были побиты русскими (Стб. 204). Потом пришлось воевать с половцами, разорившими Стародуб. При этом Владимир привлек половцев и

²³ Карнов А. Ю. Владимир Мономах. М., 2015. С. 41.

торков («своих поганых») к борьбе со степью. Еще князь воюет с вятичами и Все-славом Полоцким. В 1084 г. по приказу Всеволода он ходил на Володаря и Василько Ростиславичей, выгнал их из Владимира Волынского и посадил там Ярополка Изяславича (Стб. 205). Затем последовал очередной поход на Всеслава Полоцкого: «идохом с Черниговцы и с Половци, с Четеевичи к Меньску. Изъехомъ город и не оставихом у него ни челядина, ни скотины» (Стб. 248). Так, без всякого сожаления и нотки сочувствия описывал князь убийства, пленение и разорение владений своего непримиримого врага. С использованием «своих половоцев» он обрушился на подвластных Всеславу единоверцев, что, однако, не снимает с него греха душегубства. Никаких колебаний или душевных терзаний по поводу проявленной жестокости он в своем «Поучении» не высказывал. С такой же легкостью вчерашний союзник обращался во врага.

Некоторые факты своей деятельности Мономах пытался замолчать, исказив суть дела в автобиографической части «Поучения». Когда в 1085 г. Ярополк по наущению советников хотел выступить против Всеволода, Владимир пленил в Луцке его жену и дружину, сам же князь бежал в Польшу. По возвращению из Польши 22 ноября 1086 г. Ярополк был предательски убит («прободень быс от проклятаго Нерадьца» — Стб. 263). Поскольку убийца бежал к Рюрику Ростиславичу, то подозрение в организации злодеяния вроде бы пало на Ростиславичей. Однако мономах говорит о смерти Ярополка как о естественной, а это бросает тень на автора строк и его отца Всеволода, в интересах которых было устранение строптивого и непокорного врага. И в этом есть резон, ибо в борьбе с соперниками в те годы Мономах не ограничивал себя теми благочестивыми сдерживаниями, которые в последние годы жизни были сформулированы в его наставлениях детям.

На разных этапах жизненного пути источники показывают нам разного Мономаха. Владимир мужал и набирался опыта в суровой обстановке внутренних междоусобий, в которых применялись беспощадные и хищнические методы борьбы. Проявляя жестокость и коварство в отношении ближайших родственников, друзей и единоверцев, он был в те годы сыном своего времени.

Перемены наблюдаются в процессе того, как с внутренних конфликтов Владимир стал переклочаться на борьбу с нашествиями степняков. Уже в конце черниговского периода (1078-1094), а особенно в годы владения порубежным Переяславским княжеством (1094-1113 гг.) он нес основную нагрузку по защите от нашествий половцев. Познав все тяготы противостояния со Степью, князь пришел к осознанию необходимости объединения сил. Отсюда постепенно выростала политика, нацеленная на создание единого государства, как условия прекращения внутренней розни и обеспечения безопасности от внешних врагов. Все начиналось с похода за Хорол весной 1087 г., во время которого преследовали половцев, взявших Горошин (в летописях не отмечено). Потом Всеволод поставил Владимира над младшими князьями и те вместе ходили от Переяславля за Сулу, а у Прилука нанесли урон пришедшим половецким силам, исчисляемый в 8000 погибших. На следующий день пошли из Прилука к Белой Веже и там избили 900 половцев, а князей их Асиня и Сакая взяли в плен. Затем отгоняли степняков от Святославля, Торческа, Юрьева, а у Варина вежи взяли (Стб. 248-249)²⁴.

²⁴ В летописи эти события не отражены. О них повествуется только в «Поучении». О реконструкции темных мест источника см.: Мильков В. В. Комментарии к «Поучению» Владимира Мономаха // Творения митрополита Никифора. М., 2006. С. 434. Ком. 146.

13 апреля 1093 г. умер отец Мономаха – Всеволод, которому мог наследовать находившийся при нем в стольном граде сын. Владимир колебался – вступить ли в борьбу за наследство со Святополком Изяславичем, или соблюсти традицию передачи по праву старшинства. Мономах тогда поразил всех абсолютно нетипичным поступком. Он пожертвовал властью, сохранив внутренний мир на Руси. Значимость поступка была отмечена летописцем (Стб. 215-218). На самом деле он проявил этим шагом большую государственную мудрость, не дав повода к ослаблявшей Русь смуте перед половецкой угрозой. Назревали новые столкновения с половцами, а достаточных сил для защиты от набегов не было. Владимир, в отличие от занявшего великокняжеский стол двоюродного брата, это понимал и предлагал откупиться, заключив мир. Однако скупой Святополк надеялся разрешить проблему мечом. События показали правоту Владимира. На реке Стугне у Треполя, не выдержав «лютого боя», русские полки бежали. В ходе отступления брат Мономаха Ростислав утонул в реке. Это произошло на глазах у князя, который ничем не смог помочь. Потом пал Торческ, а оставшиеся в живых «быхом бегаючи пред врагы» (Стб. 219-222).

Последовавшие за этим поражением 1094–1096 годы были тяжелы не только для Мономаха, но и для южной Руси в целом. На эти годы приходятся нашествия саранчи, голод и череда поражений²⁵. Замирить половцев и получить передышку после Стугны и Торческа удалось только через год ценой женитьбы Святополка на дочери Тугоркана. Ход событий показал правоту стратегических предложений Мономаха. Общая обстановка была усугублена тем, что в 1094 г. Олег привел к Чернигову половцев. Владимир вынужден был передать ему княжение, уйдя в Переяславль (Стб. 226). В «Поучении» он задним числом объясняет свое миролюбие нежеланием проливать в войне кровь христианскую (Стб. 249). На самом деле, дружина его сильно поредела и не было сил отстоять владения. Но есть и другая сторона медали. Князь как раз с этого времени последовательно стал отказываться от междоусобий и распрей за передел отчин²⁶. До этого Владимир был обычным удельным князем, с легкостью вступавшим в разборки с родичами. Тяжелые последствия видимо привели к переосмыслению традиционной политики, ослаблявшей Русь в целом. И в этой новой политике кроется важный перелом. Новая идеологема была сформулирована летописцем от имени «неких смышленных мужей», которая на деле отражала точку зрения Мономаха «Почто вы распря имате (ссоритесь) межи собою, а погании губять землю Русьскую?!» (Стб. 219). Главной ценностью становится не расширение отчины, а благо всей Русской земли. Суть начавшихся в сознании Мономаха перемены, летописец, работавший позже этих событий, отразил верно.

Активизация противостояния половцам после череды поражений наступает с 1096 г. В этом году к князю пришли «для мира» Итларь и Кытан. Прибывший от Святополка Славята предлагал расправиться с нежелательными гос-

²⁵ По поводу этого лихолетья редактор летописи помещает пространные рассуждения в духе теории казней Божиих. Начиная с 1093 г., он последовательно комментирует события с позиций крайнего исторического пессимизма, относя половцев к апокалипсическому народу (Стб. 222–226, 229, 233–234; 1094–1096 гг.). Можно полагать, что сама летописная концепция была разработана под живым впечатлением от ужасающих бедствий.

²⁶ По меткому замечанию знатока устоев древнерусской жизни возвращение Олегу Чернигова — «единственный поучительный пример политического свойства» (Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947. С. 182).

тями. Владимир сначала колебался, не желая нарушить данную им клятву. Но его убедили, что враги Русской земли постоянно нарушают клятвы и несут зло. Период наступления на Степь начался с того, что пытавшиеся установить мир ханы были перебиты. Языком летописца с Владимира снимается грех вероломной расправы: «Нету ти в томъ греха. Да они всегда, к тебе ходяче роте, губять землю Русьскую и кровь христьянску проливають бесперестани» (Стб. 227). На самом деле здесь выражено отношение к тем событиям самого князя. Убийство язычников и иноверных, тем более врагов, он не считал грехом. Поэтому автор «Поучения» в автобиографической его части бравирует учиненной им в 1096 г. коварной кровавой расправой над Итлариевой чадью и другими убийствами врагов Руси. Действие принципа «не убий» не распространялось на войны с захватчиками, поскольку в таком случае не могла вестись эффективная борьба за независимость страны.

Вряд ли христианская заповедь «не убий», которую князь действительно внушал своим детям, была нацелена на ограничение внутренних войн. Междоусобия сплошь и рядом сопровождалась убийством единоверных соотечественников. Подобные подвиги не без гордости перечисляются в автобиографических записях «Поучения». Весьма характерно, в этой связи, отношение Владимира Мономаха к убийству в междоусобии сына Изяслава. По крайней мере из Письма к Олегу следует, что смерть на войне расценивается как Божий суд и тот же Мономах нигде не упрекает в душегубстве убийцу его сына. Одно дело, когда «смерть наводится» роком, промыслом, верховным Судией, другое дело, когда смертоубийство свершается по злоумышления (т. е. сознательное душегубство, как выбор между убить — не убить в результате волеизъявления). Получается, что война списывает издержки, выпадающие из программного кредо князя.

Тенденция переключения с внутренних разборок на отпор внешнему врагу с 1096 г. проявляется все отчетливее. В марте, вслед за расправой над Итларевой чадью, последовал поход на Голтав, вглубь степей, с завоеванием веж и большой добычей (Стб. 228). От этого похода уклонился Олег, укравший у себя в Чернигове Итларевича (сына Итларя), который назван в летописи врагом Русской земли (Стб. 70). Как на отступника от общерусского дела Святополк и Владимир пошли на него к Чернигову, вынудили бежать в Стародуб и обложили его там. Через месяц Олег запросил мира. Междоусобием воспользовались половцы: на Киев напал Боняк, а на Переяслав — Куря, которого сменил Туторкан. Из под Стародуба русские войска направились к Переяславлю и в победном бою над половцами убили Туторкана (Стб. 231–233). Повторились набеги на Киев, после которых русские преследовали кочевников вглубь степей (Стб. 250). О погонях за кочевниками летопись, в отличие от «Поучения», ничего не сообщает, хотя это был первый поход вглубь кочевнических территорий.

На фоне антиполовецких мероприятий «друг степняков» Олег двинулся к Мурому, входившему в его отчину. Город был захвачен Изяславом Владимировичем, который в бою с войсками своего дяди погиб. Под впечатлением случившегося появилось покаянное письмо Владимира. Потрясенный отец демонстрирует необыкновенное смирение вместо обычных для подобных в княжеской практике ситуаций обвинений, озлобления и мстительности. Он объясняет случившееся промыслом и на этом основании выражает готовность примириться с двоюродным братом. Можно считать, что концептуальная подоплека мысли о единении вызрела в тех трагических обстоятельствах. Далее можно наблюдать последовательное проведение князем данного концепта в жизнь.

Личная власть Владимира Мономаха укреплялась вместе с ростом его авторитета, как вдохновителя эффективного противостояния Степи. Проведенные при его активном участии княжеские съезды в Любече (1097 г.), Витичеве (1100 г.) и Долобске (1103 г.) способствовали преодолению усобиц и концентрации сил. Все чаще конфликты стали решаться не на поле боя, а путем переговоров. Обстановка заставляла смягчать, или разрешать межкняжеские противоречия перед лицом внешней угрозы. Иногда взаимные подозрения и претензии на расширение владений нарушали баланс сил. Такой рецидив произошел уже после съезда в Любече. Случившееся после него ослепление Василько Тербовольского сопровождалось военными столкновениями, но Мономаху удалось встать над междоусобицей. Завершали решение проблемы уже не оружием, а сообща. На съезде в Витичеве, вонзивший нож в единство Русской земли Давыд Игоревич, в качестве наказания лишен владимирского удела и показательно получил минимум для прокормления.

Главной проблемой оставалась половецкая угроза и проблема эта разрешалась при самом активном участии Владимира Мономаха. 15 сентября 1101 г. удалось заключить мир с половцами, подкрепленный обменом заложников. Он продержался до возобновления боевых действий русских в 1103. После съезда в Долобске объединенные силы князей (Святополк, Давыд Святославич, Мстислав и Ярополк Владимировичи, Давыд Всеславич, Вячеслав Ярополчич) выступили на степняков. Олег сказался больным. Старшим был Святослав, но летопись представляет дело так, что первым в этом походе шел Владимир. Поход носил носили упреждающий характер. После уничтожения арьегарда во главе с Алтунопой, произошла победная битва с основными силами: «...и поидоша полкове аки борове. И не бе презрети ихъ. И Русь поидоша противу имъ. И Бог великий вложи ужас великий в Половцев. И страх нападе на ня и трепеть от лица Русских вои. И дремаху (оцепенели) сами... и рече Володимерь — съ день иже сотвори Господь... Господь избавиль ны от врагъ наших и покори врагы наша..» (Стб. 278-279). В духе концепции Владимира победа приписывается вмешательству Бога. Летописец, работавший менее 20 лет спустя, полностью повторяет Владимирову трактовку исторического процесса. Сам же Владимир в «Поучении» вообще не упоминает этой большой победы, по результатам которой оказались перебиты 20 князей, а Бельдюз пленен и умерщвлен. С точки зрения иерархической субординации выше его стоял Святополк и честь победителя следовало отдать ему. Но лавры победителя летописец примеряет к переяславскому князю.

В 1107 г. снова объединились полки русских князей (Святополка, Олега, Святослава, Мстислава, Вячеслава, Ярополка) и вышли в новый поход за Сулу (Стб. 250). То был ответ на вторжение Боняка и Шарукана. У города Лубна русские воины ударили на половцев и гнали их, посекая, до Хорола. Убили много знатных степняков, а Шарукан едва спасся. Трофеем стал обоз. Через несколько месяцев был заключен мир с половцами, скрепленный браком дочери Аепы с сыном Мономаха Юрием (Стб. 281-283). По политическим соображениям Мономах женит сына задолго до достижения им брачного возраста (род. 1096-1100 гг.).

Случались и безрезультатные походы. Согласно летописи в 1110 г. «Идоша весне на Половце Святополкъ и Володимерь. Давыдь. и дошедше Воиня и воротишася» (Стб. 289). Всего за год до этого удачную пробу сил осуществил воевода Дмитр, захвативший вежи у Дона. В 1111 г. после совещания князей в Долобске состоялся новый победоносный поход, в котором приняли участие Святополк с сыном, Ярослав и Владимир с сыновьями, Давыд с сыном. У града Ша-

рукая «соступу (сошлись полки) в брани крепце. Бог Вышний возре на иноплеменники со гневом и [те] падаху пред христьяны...». Через несколько дней в новой сече с половцами «посла Господь Бог ангела в помощь русьскимъ княземъ... И падаху Половци предъ полкомъ Володимеровмъ, невидимо бьемы ангеломъ, яко се видяху мнози человеци...». Пленные же объясняли свое поражение: «Како можемъ битися с вами, [если] друзии ездяху верху васъ въ оружьи светле и страшни иже помогаху вамъ. ... се суть ангели от Бога послани помогать христьяномъ. Се бо анге вложи сердце Володимеру Манамаху пустити братью свою на иноплеменники»²⁷. Здесь впервые в раннем источнике отечественной книжности вербализовалась древнерусская антелология. Она была соединена летописцем с теорией казней. Сформулированное Мономахом идейно-религиозное кредо, ядром которого являлся провиденциализм, воспроизводилось под пером летописца, выполнявшего идеологический заказ Мономаха. В позднейших летописях этот лейтмотив станет стереотипным при объяснении причин побед и поражений. В «Повести временных лет» мысль книжника поднимается до провозглашения Мономаха избранником Божиим.

Обычно смена фигур на главном княжении сопровождалась смутами. После смерти Святополка в 1113 г. степняки нагрянули в русские пределы с надеждой на княжеские распри вокруг освободившегося великокняжеского стола. Русские отреагировали по отработанному уже сценарию и встали под знамена Владимира. Половцы не посмели напасть на объединившиеся дружины и бежали: «слышавше же Половце смерть Святополчю и съвокупившеся, и придоша къ Выры. Володимеръ же совокупивъ сыны свои и сыновце иде к Выру. И совокупися с Олгомъ. Половце же бежаша»²⁸.

В результате поражений половецкая орда слабела и новые походы на них уже не требовали концентрации больших сил. В 1116 г. сын Владимира Ярополк и сын Давыда Всеволод были посланы на Дон и взяли половецкие города Сугров, Шарукань, Балин. После этого торки и печенеги стали селиться на Руси, а половцы откочевали вглубь степей. В 1120 г. Ярополк ходил на половцев за Дон, но не встретив степняков возвратился восвояси. Наконец-то Русь могла вздохнуть спокойно. Исследователи признают, что успехи борьбы со степняками являлись результатом объединения вокруг политической линии Мономаха, а его политическая программа, как мы показали, имело четкие идейно-религиозные основания.

Политика умиротворения Мономаха дала свои плоды как во внешней, так и во внутренней политике. Значительно спокойней стал Олег. Мятежный князь перестал наводить поганых на Русскую землю. В 1101 г. вместе с остальными русскими князьями он участвовал в заключении мира у Сакова, в 1104 г. вместе с сыном Мономаха Ярополком и воеводой Святополка Путяттой ходил на Глеба Минского, в 1107 г. вместе с Мономахом и Давыдом умирался с Аепою и по примеру брата, отдавшего Юрия за Аепину дочь, закреплял мир женитьбой сына на половецанке. Даже с вокняжением Мономаха в Киеве в 1113 г., ущемлявшим права старших Святославичей, он соединился на Выре с Владимиром Всеволодовичем и его сыновьями и вышел в составе объединенных дружин навстречу половцам, которые воспользовались смертью Святополка и рассчитывали, что силы двоюродных братьев будут отвлечены на борьбу за великое княжение. Только

²⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 267-268. Лаврентьевская летопись относит эти события к 1112 г.

²⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 276.

в 1103 г. он уклонился от встречи в Долобске и от похода на степняков, отговорившись нездоровьем.

Последним внутренним походом, упомянутом в «Поучении» Мономаха, было выступление против волынского князя Ярослава Святополчича (1117 г.). Рать была объединенной как против степняков. Это указывало на значимость мероприятия. Видимо тот проявлял недовольство нарушением лестничного принципа и намеревался получить киевское наследие отца. Эти планы угрожали разрушением союзнических отношений между князьями, скрепленных браком Ярослава с внучкой Мономаха. После шестидесятидневной осады возмутитель спокойствия покорился и заключил мир. Позднее он демонстративным образом вернул жену свою Владимиру, а сам бежал через Венгрию в Польшу. Великий князь отреагировал на это и в 1120 г. снарядил войска в Польшу. Внутренний конфликт превратился в зарубежный поход. В 1123 г. Ярослав Святополчич пришел на Русь и взял в осаду Владимир Волынский. Подосланные поляки ликвидировали угрозу еще до того, как Мономах с сыном Мстиславом выступили из Киева. Понятно, в чьих интересах совершалось это убийство. Высокая христианская нравственность властные счета не аннулировала. Очередная жертва была принесена миролюбивой политической программе Мономаха. С не мирившимися велась война на истребление.

Велась при Владимире Мономахе еще одна и весьма странная война. Противником была Византия, а нападавшей стороной Русь. Подоплека этой войны следующая. Владимир заключил весьма странный матримональный союз. Он выдал свою дочь Марицу за некоего Леона, который выдавал себя за спасшегося сына Романа IV Диогена, в действительности погибшего во время осады Антиохии. Известно, что в 1094 г. этот Лже-Диоген начал войну с Алексеем Комниным, но был захвачен в плен и ослеплен (Стб. 226-227). В 1116 г. при поддержке русских самозванец²⁹ захватил Дунайские города, включая Доростол. После того, как самозванец был убит, военные действия не прекратились, а на Дунай были дополнительно посланы русские воеводы, действовавшие от имени внука Мономаха и сына Леона Василия. В такой форме разворачивалась война Руси с Алексеем Комнином. Последний был узурпатором на византийском престоле. В династическом смысле Василий имел не меньшие права на престол, чем основатель династии Комнинов. Это право ему обеспечивало не только сомнительное родство с Диогеном, но совершенная бесспорная причастность к императорской фамилии через Владимира, который являлся внуком Константину IX Мономаху. Отпрыск Лже-Диогена был праправнуком по брачной линии царевны Марии (дочери Константина) и Всеволода. За этим необычным мероприятием скрывается амбициозное намерение добыть для своих потомков византийский престол, обличенное едва ли не в авантюрную военно-политическую комбинацию. Претензию на византийскую корону можно считать программой максимум, тогда как программой минимум могло быть воссоздание подконтрольного Киеву независимого Болгарского царства³⁰. Ничто не мешало Мономаху вести военные действия против страны, у которой Русь находилась в церковном подчинении. Имевшая только религиозные, культурные и торговые связи с Русью

²⁹ Возможно уже не Леон, а другая личность, взявшая на себя легенду Лже-Диогена.

³⁰ Горский А. А. Забытая война Мономаха. Русско-византийский конфликт 1116 г. // Родина. 2002. № 11-12. С. 96-100.

страна оказалась в положении, дела с которой разрешались по логике бескомпромиссного противоборства с врагом. Интервенция Мономаха не имела успеха. Конфликт завершился браком внучки Мономаха с Иоанном II Комнином.

Судя по всему, Владимир Мономах был одним из первых крупных политических деятелей, который осознал значение литературы для разработки политической идеологии своего режима. Благодаря этому сегодня можно судить о мотивации его практических действий на дипломатическом, культурно-созидательном и военном поприще. В своих текстах, в текстах, находившихся под его идеологическим контролем, а также в практических деяниях он демонстрировал определенные устремления к выстраиванию политики на принципах гуманности, справедливости и общего блага. Мировоззренческой основой Мономахова кредо заявлен страх Божий, вырабатывавший ответственность перед Всевышним и взаимное уважение друг перед другом. На этом базисе киевский великий князь выступал апологетом нравственности не только в делах внутри-семейных, но возводил христианскую мораль в ранг государственной политики. Предпринимавшиеся шаги в рамках такой доктрины способствовали продвижению в иерархическом отношении династически бесперспективного князя на первые роли в общерусских делах. Не являясь великим князем, он до 1113 г. стал признанным лидером в перестройке властного порядка и в защите Русской земли. Это лидерство и привело его на киевский великокняжеский стол, хотя к тому Времени Владимир уже был стариком и вынужден был опираться при управлении собранным государством на вызванного из Новгорода Мстислава (с 1117 г.).

Взгляды Мономаха на протяжении долгой жизни претерпевали заметную эволюцию. Это хорошо видно на примерах его отношения к врагам. С годами оно менялось, по мере разрастания власти и влияния на текущие дела в Русской земле. Вообще различия между внутренними и внешними своими врагами Владимир Мономах не проводил, не взирая на принципиальную принадлежность их к разным мирам. Нравственные регуляторы имели значение для князя в мирной обстановке и являлись действенным средством нормализации личных отношений в межкняжеской среде. В состоянии же войны никакие нравственные ограничения не действовали, будь то единоведец, или поганый кочевник. Деление на свой — чужой осуществлялось не на основании религиозной, этнической, или корпоративной принадлежности, а по критерию лояльности к властителю. Поэтому ошибочно считать, что Владимир Всеволодович был принципиальным антагонистом половцев как таковых. К половецкому миру у него, как и многих древнерусских князей, отношение амбивалентное³¹. Наемные степняки были единым телом с княжеской дружиной и в ее составе представляли самого князя.

Не укладываются в прокрустово ложе Мономаховой доктрины и некоторые поступки князя. В частности, причастность к устранению противников и рецидивы жестокости по отношению к внутренним врагам. Плененный в 1119 г. минский князь Глеб Всеславич был брошен в заточение и там скончался³².

³¹ Добровольский Д. А. Восприятие половцев в летописании XI–XIII вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2012. Вып. 39. М., 2012. С. 290–291.

³² 1115/6 г. Владимир Мономах с сыновьями, Давыдом Святославичем и Ольговичами, используя в качестве предлога разорение дреговичских земель, повоевали владения князя и оставили ему только Минск. Дерзкие нападения Глеба в 1119 г. на новгородские и смоленские земли повлекли за собой новый поход Владимира, который завершился ликвидацией удела и пленением князя (Полное собрание русских летописей. Т. 2. Стб. 282–283).

Это не было прямым убийством, но вину за душегубство с правителя все же не снимало. В этом и в других случаях высокие принципы, на которых выстраивалась доктрина Мономаха, оказывались слабее политической целесообразности. При этом в целом его программа существенно возвышалась над грубыми нравами эпохи.

У абсолютного большинства авторов, кто писал о Владимире Мономахе начиная с XII столетия, преобладает комплиментарная апология его деяний³³. Возвеличиваются военные заслуги и особый характер отношений с князьями. Ему приписываются успехи в государственном строительстве и организация судьбоносных для страны политических мероприятий. С нравственной точки зрения Владимир предстает чуть ли не в обличии святого. Нелицеприятные черты теряются в этом идеализированном портрете. В свете сделанных наблюдений реальность не выглядит столь однозначной, хотя это и не умаляет достоинств и значения выдающейся исторической фигуры, результатом деятельности которой стала собранная воедино Русь.

Источники и литература

1. Будовниц И. У. Владимир Мономах и его военная доктрина // Исторические записки. 1947. № 22.
2. Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (X-XIV вв.). М., 1982.
3. Воронин Н. Н. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе. Его время, стиль и автор // ТОДРЛ. Т. 13. М.; Л., 1957.
4. Горский А. А. Забытая война Мономаха. Русско-византийский конфликт 1116 г. // Родина. 2002. № 11-12.
5. Добровольский Д. А. Восприятие половцев в летописании XI-XIII вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2012. Вып. 39. М., 2012.
6. Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его поучение. Ч. 1: Поучение к детям; Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901
7. Ивков Д. Э. Концепции отечественной истории в русских летописных памятниках XIV-XV вв. Автореф. дис. канд. ист. наук. СПб., 2009.
8. Ищенко А. С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов-на-Дону, 2014.
9. Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.) М., 2000.
10. Карпов А. Ю. Владимир Мономах. М., 2015.
11. Кривошеев Ю. В. Пути и труды Владимира Мономаха. СПб., 1993.
12. Кузьмин А. Г. Владимир Мономах // Великие государственные деятели России. М., 1996.
13. Кучкин В. А. Поучение кн. Владимира Мономаха, 1117г. // Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003.
14. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1962.
15. Мильков В. В. Владимир Мономах и его Поучение // Творения митрополита Никифора. М., 2006.

³³ Об идеализации исторической фигуры Мономаха см.: Ищенко А. С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов-на-Дону, 2014.

16. Мильков В. В. Казней Божиих учение // Русская философия. Энциклопедия. М., 2014.
17. Мильков В. В. Комментарии к «Поучению» Владимира Мономаха // Творения митрополита Никифора. М., 2006.
18. Мильков В. В. Концепция малых дел в Древней Руси (об одной из особенностей морально-этического сознания отечественного Средневековья) // Философский журнал. 2010. № 1 (4).
19. Мильков В. В. Религиозно-этическая программа «Поучения» Владимира Мономаха // Православный собеседник: Альманах православной духовной семинарии. Вып. 1 (20). Казань, 2010.
20. Никифор, митрополит. Послание о посте // Творения митрополита Никифора, М., 2006.
21. Орлов А. С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946.
22. Пузанов В. В. Владимир Мономах и христианство // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 20008. Вып. 24. СПб., 2008.
23. Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947.
24. Рыбаков Б. А. Славянский весенний праздник // Новое в археологии. М., 1965.
25. Святые князья-мученики Борис и Глеб / Изд. подг. Н. И. Милютенко. СПб., 2006.
26. Топоров В. Н. Об одном архаическом элементе в древнерусской культуре - *svet // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 191.
27. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1: Первый век христианства на Руси. М., 1995.
28. Ужанков А. «Совестные книги» Древней Руси (Русское летописание и Страшный суд) // Россия XXI. 1999. № 4.
29. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990.
30. Филипповский Г. Ю. «Украшенный добрыми нравами...» // Владимир Мономах: Завещано потомкам. Ярославль, 1999.
31. Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986.
32. Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991.
33. Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916.
34. Шахматов М. В. Опыты по истории древнерусских политических идей. Кн. II: Начало единоличной власти. Прага, 1927.